

Чёрное к белому не пристанет.

Русская пословица

Название повести может сбить с толку иного читателя.

— Как!? — воскликнет он. — Ещё одно «Похвальное слово Глупости»? Мало Эразма Роттердамского?

Роттердамский воздал должное «царице Глупости». Я же в своей повести попытался воздать должное «царице Чистоте», которая живёт в каждом человеке, покуда он не умеет лгать, ловчить, предавать, подличать, выдавать желаемое за действительное — то есть покуда он не знает, что такое человеческие пороки и, естественно, не использует их в корыстных целях. Такое незнание красит любого человека, за такое незнание не грех и ратовать.

Свою «незнайку» я не выдумал. Она дочь реальных оренбургских первоцелинников.

*Посвящается
Геннадию Донковцеву —
Отцу Оренбургской Книги.*

1

*Эта беда не беда, только б
больше не была*

— Ну что, дружочек-уголёчек? Вижу, не хватило строчки для твоей фамилии в списке принятых?

— Не хва... ти... ло... тётя...

Повалилась я к тёте на грудь.

Не знаю, долго ли, коротко ли ревела, только слышу, мокрое у меня одно плечо.

Подымаю голову — тётя моя в три ручья течёт.

Я так и обомлела.

— Тё-ётя! Вы-то что?

— А-а...

Краем полотенца, перекинутого через плечо, промокнула тётя себе лицо. Подала мне другой конец.

— Вы что ж, шли открывать с полотенцем? Уже знали?

— А кто, дружочек, не знает... Один умный человек сказал: мы все стремимся к лучшему, да должны быть готовы к худшему. Я и приготовься...

Соседский пудель белой горкой сидел на порожке.

Удивлённо тарасился на нас.

— Вот где кулёмы! — всплеснула тётя руками. — И не видим, что дверь-то у нас наразмашку!

Захлопнула она в сердцах дверь. Тихонько подтолкнула меня в локоть:

— Ну, давай на кухню. Давай, давай! Торт по тебе соскучился.

— За что мне торт? Я ж проклятого полбалла недобрала!

— Какие твои годы... В следующем августе доскребёшь.

— А до августа что делать?

Подумала я, с какими это глазами возвращаться к себе в Светлый... Снова повело на слёзы.

— Как... домой-то ехать?..

— Дружочек-уголёчек! А разве тебя кто гонит? Ну пошевели понималкой... Да забудь ты про всё! Всё в шоколаде! Ты сдала как могла. Выше себя не прыгнешь... У всех разно... Вон днями читала в газете... Одна чудилка в Южной Корее целых пять лет бегала в полицию сдавать экзамен на водителя. За девятьсот пятьдесят забегов сдала половинку экзамена. Правила дорожного движения.

А впереди вторая часть экзамена. Практическое вождение. Эта упёртая бабулька — ей семьдесят, возраст, когда права надо не давать, а уже отбирать! — за десять попыток свалила-таки и практику. Теперь она точно всё знает и на дорогу может не смотреть! Я в шоке... Научите меня водить самолёт, буду ездить по московским пробкам... Представляю, сколько теперь работы пало на страховые компании и автосервисы... Думаю, с первого же дня вождения бизнес этой тётя-моти шатнётся в убыток... Конечно, баба бабе рознь! Так что ещё вопрос, кто виноват в присутствии на наших дорогах идиотов на каблуках, с мобильником в одной руке и с помадой в другой, меняющих крылышки или колготки на МКАДе в час пик.

— Столько раз сдавать... Наверно, когда отвечала, со стыда глазки опускала?.. Да что-то я не видела, чтоб овечка глазки опускала. Похоже, мозговая активность этой хвени ущербна. Но это лечится... А я читала, в Германии после третьей неудачной попытки сдать — обязательный «идиотен тест»! Не обижайся, но раз уж ты блондинка, то согласишься, некоторым красавицам «идиотен тест» полезен до поступления в автошколу.

— Ну... Блондинка — украшение жилища, а не мыслящее существо или средство управления автомобилем. А сдают и брюнеты кисло. Знаю самцов, которых заворачивали раз по десять, пока бабла не кинули. Вон сосед у меня. Тупец отпетый. Сдавал десять раз на эти права... Так вот... Эта Чха Са Сунн торгует продуктами. И товаришко свой возила на ручной тележке. Тяжеловато... И наредила Чха купить грузовичок и получить права. И за девятьсот шестьдесят попыток еле вырвала эти чёртовы права!.. Зато пятеро братьев Шабуниных из липецкого села Ксизово один за другим поступили на физический факультет МГУ. Кончили... Один уже работает в Англии... У всех, милуша, разно... Приняла ты с этими экзаменами сто мук. Наконец экзаменационная эпшия твоя кончилась. Давай зальём это историческое горе чайком с тортом. А там... — голос её улыбнулся. — Покуда ты недобираала на допросах свои полбалла, родная

тётя думала о тебе и кое-что, как жется, придумала.

— Что же?

— Но об этом потом. На прогулке.

2

Беда глупости сосед. Дурак с дураком сходились, друг на друга дивились

Во всякий вечер мы гуляли только по набережной.

— Ты никогда, — грустно заговорила тётя, — наверное, из деликатности и не спросишь, а почему именно сюда я прихожу с тобой. Пожалуй, я б тебе этого не сказала, не подставь тебе сегодня эти полбалла ножку.

Она подошла к перильцам набережной, одетой в звонкий бетон. Сразу за перильцами отвесно падал высокий берег. Где-то там, внизу, тяжело и дремотно ворочалась медведем река. Чёрно-лиловая мгла прятала её.

— Давным-давно, ещё перед войной, — продолжала тётя, — оказалась я в твоём переплёте. Была твоих годов. Поступала в твою же Тимирязевку. Добросовестно и основательно завалила первый же экзамен. Преподаватель рисовал мне двойку и нехорошо так усмехнулся. Мол, и гусика многовато.

Уж и не знаю как, только очутилась я именно на этом вот месте. Стою на откосе... Закрою глаза, качнусь вперёд — откачнусь назад... Боязко.

Тут откуда ни возьмись подходит парень.

Через силу потёрто, побито улыбается.

— Девушка, вы случайно не желаете утопиться?

— А вам-то какая печаль?

— Единоличников за версту вижу... А может, всёёжки поддержите компанию? А?.. Соглашайтесь...

Как уж там повернулось не помню, только выложил он мне свою беду. Приключится же такое... Приехал с невестой в загс. Невестушка в самом загсе и вертани от него... Вот только из загса. Ещё горяченький... И такая жаль меня взяла... За разговор остыл, успокоился парень. Расправил плечи. Со смешком подпускает туману насчёт того, что лучше б пожениться, чем топиться. Я промолчала. Висмелел он, шутя манит в загс. Я шутя соглашаюсь. В тот же день шутя расписались и жили дай Бог всем так жить... Ах, кабы не война, чёрная разлучница... Я к чему всё это тебе выпела? Поют, узнать человека — пуд соли съесть. Слова то всё! Чему быть, того не обскачешь. Вон мужнино имя я только в загсе услышала. До загса какой час и поговорили... Я б тебе не советовала слишком увлекаться едением соли. Бывает, по десять вон лет гуляют да разбегаются... Такой вот мой план. Ты не едешь в Светлый на родительский позор. Остаёшься у меня. На хлеб и к хлебу всегда тебе будет. Пойдёшь на подготовительные.

И грызи себе спокойнушко черыжку науки... Подготовительные ещё нескоро. Пока отдохни. На москвичей посмотри. Себя не забудь показать. Натурально. Да ты у меня в месяц выскочишь замуж! Правда, для замужества, как минимум, нужен он. Он у тебя быстренько проявится. Была б ты клумба какая... Так собой ты видная. Вся из себя конфетка. Всякому глазу праздник!..

Меня всю коробило.

— Тетя! Вы до сих пор всё шутите? — не без яда выразила я предположение. — Шуточки у вас какие-то... негенеральские...

— Будешь, — ломила своё тётя, — каждый день ходить на пляж как на службу и убивать разом двух зайцев: загорать и нравиться...

— Я? Бить подолом? Ага! Ну к чему гнать этот мороз?¹ Что я, гульная тёлка какая?..

Тётя обиделась, что я не приняла её план. Настроила тишину.² Молча мы так и побрели к дому. И лишь на кухне, за чаем, я снова услышала грустный тётин голос.

— Не упрямясь, как этот дедушка комар, — показала она на раздавленного комара на кухонной двери.

— А то что будет?

— А это ты у него спроси, — ткнула она в комара. — Только он тебе уже не ответит. Распрекрасно знал же этот звурёнщик, что

¹ Гнать мороз — говорить вздор

² Настроить тишину — замолчать

прибьют. Так нет! Всё равно надо ему переться ко мне на девятый этаж и петь мне в ухо своё романсьё. Допелся! Газетной трубочкой вмазала в дверь...

— Однако жестоко, тётя.

— Не лез бы со своими глупостями и посеичас порхал бы. Так что не спеши возражать. Сначала выслушай... Братъ мужика... Братъ их брата в плен дело плёвое, особо с твоими царскими плюсами. Да ты только растелешись до купальника, только предъяви товарец лицом... Мужик глупарь. Эта общеизвестная истина подписана самим Богом и никем не опровергнута. Покажи формы — содержание мужик сам себе чёрт-те какое нафантазирует! Действуй! Да построже с ними! Нечего поважать козлят брыкаться. Завтра же с утра — за дело, дружоля!

3

Голова у ног ума не просит

На следующий день вернулась я уже под потёмочками.

— Ну, каковы наши пляжные уловы? — набросилась тётя.

— Разные, — стараясь быть серьёзной, с ответственностью в голосе отвечала я. — Навяливался... Шнурился один зелёнький с гитаркой.

— За полный световой день всего-то лишь один? И тот незрелый? — Тётя в изумлении выставила указательный палец.

— Всего-то, пельмень худой,

один и тот незрелый, — подтвердила я. — Да ещё пупканутый³.

— Не-е!.. Мокрогубиков этих с бандурами ты гони. Как горячо они ни барнауль⁴ — напрочь от себя гони! Не вздумай с ними хороводиться! Тебе... Да при личности твоих внешних данных, тебе не грех накинуть сети на какого-нибудь аллигатора...⁵ Можно и попроще кого... Одно слово, надо брать под жаберки карасика надёжного. В годах. Чтобушки была своя кооперативная хижинка-картинка... Цветной ящичек там метр на полтора... Чтобушки ковровые стены. Чтобушки на ходу была своя тачанка. «Волга»... Ну, на худой случай «Жигуль». Особо за маркой не стой. Какая тебе разница? Лишь бы бричка бегала!

— Так где ж они эти ваши надёжные с тачанками? — не удержалась я от смешка.

— Твой верх, — сокрушённо согласилась тётя. — Август... Сейчас все надёженькие разлетелись по югам. Остались одни пивные ветродуи да мелкота, всякая белобрысая шелупонь. У мокрогубика тоже, может быть, дома если не «Волга», так целый красный самосвал. Да тебе они, игрушечные, ни к чему. Вот схлынет тепло. Воротятся южаки. Ты и сделаешь деловой смотр наличного состава столичанских женихов.

³ Пупканутый — с серёжкой в области пупка.

⁴ Барнаулить — назойливо приставать.

⁵ Аллигатор — олигарх.

Больше не хватило меня на розыгрыш. Приснула я в кулак.

— Увы, тётя, комедия, не начинаясь, кончилась. Как умно подметил один, «вкус — это когда надо вовремя остано...» Я вовремя и остановилась. Ни на каком пляже я не была, — и кладу ей на стол билет. — Завтра на первом свету отбываю.

— Ку... куд... куда?

— А недалече отсюда. В часе езды. С тимириязевскими отметками берут. Без экзаменов! Забираю сегодня в приёмной свои бумажки, мне и говорят: да с вашими оценками вы спокойно проскочите в Хотькове в морковкину академию⁶. Та же моя специальность — бухгалтерский учёт.

— А как же Тимириязевка? Зачем же отступать?

— А кто отступает? Мы, оренбургские, ловкие... Не знаю, как там оно крутнётся... Кончу сначала морковкину академию, поработаю, поднакоплю грамотёшки и с разбегу р-р-раз в саму в Тимириязевку! Так и промигну!

— Да, да, — шепчет тётя, а у самой глаза мокреют. — Тигруля отходит назад, хочет прыгнуть дальше...

— Вот именно. Лучше потихоньку идти, а не ждать, чем-то кончится новый конкурс. Попробовалось ли я ему или как ещё сказать... Не терять же год! Поеду. Правда, хотьковская академия не ровня тимириязевской...

Этажиком ниже. Да уж лучше сразу учиться. Сразу быть при деле по главному.

— Оно, конечно, так способней. Надёжней. Ты уж, если что не так, прости старую. Старый человек — пирожок ни с чем. Пустой. Но я всё ж хотела как лучше. По-родственному. Обязательно приезжай на выходные. Пиши. Звони и домой, и на работу. Добавочный у меня там...

— ... две нулихи семь. Вы ж не раз уже говорили.

— Вишь, забываю, — огорчённо пожаловалась тётя. — Ну да что... Забывчивостью не губы мазать... Рассчитывай, дружок, на стипендию от меня. Туго-бедно, а и из своей неминистерской пенсии двадцаточку в каждый месяц уж вырежу. Я буду, — доверительно зашептала, — держать тебя в виду и по другой линии. Встренься кто толковый из мужеского сословия — сознакомлю.

— О Господи! Да поберегите, пожалуйста, его себе. Разве бездетной вдове запрещено выходить замуж?

— Запрещено, дружок... Запрещает память. Запрещает кроводавление. Запрещают седые волосы. Запрещает диабет...

— Извините, бякость сморозила. Чепушная какая-то стала... Не беспокойтесь уж так за меня. Не крапивница⁷ я какая-нибудь бездольная. Спасибо за хлеб-соль, тётя-мама.

⁶ Морковкина академия — сельскохозяйственный техникум.

⁷ Крапивница (уральское) — внебрачный ребёнок

Каждый крючок ловит свой кусок

С морковкиной академией я разделалась как повар с картошкой. Красный поднесли диплом. С отличием. Распределили лучше некуда. Хозяйство хорошее. Ухоженное. Прикопалось к окраинке старинного тихого городка Вереи. Час прямым автобусом до Тишинского рынка в Москве. От силы полтора. И Визирев, директор, — душка, одна приятность.

Во весь наш первый разговор, простой, обстоятельный и несколько, однако, подзатянутый, Визирев как-то виновато взглядывал на меня и краснел.

Оказывается, как я потом узнала, он и не ведал, как подступиться к разговору о моём жилье.

— А где жить будете? — спросил он меня наконец.

— А где поселите.

— Мда-а... Резонно.

Локти стоят на столе.

Подбородок возложил на сцепленные пальцы.

— Тут понимаете... какая музычка... Мы вас пропишем в отличнейшей однокомнатной квартире... Трамвайчиком мы её зовём. Она такая узкая, продолговатая... Молодой специалист, квартира вам полагается... Тётя в Москве...

— Не тревожьтесь. Не сбегу. Я буду жить по месту прописки.

— В том-то и... Нехорошо, ах, нехорошо начинать с чёрной строки... В том-то и соль... Поверьте, это не прихоть моего царства...

— Охотно верю. Только скажите прямо.

— Прямо? Вот вам прямо. Сбежал от вас ваш трамвайчик!

— То есть?

— То и есть, что есть... Э-э... То есть нету! Нету трамвайчика. Уехал! Уплыл! Улетел! Целую вечность пустовал. Ждал вас. А на той неделе заняла всадница... Медсестра. Золотой специалист, золотой человек. Таких терять грех. А у медсестры мать-старушка. Болеет часто. Отбери квартиру — потеряет хозяйство перво-сортного специалиста. Голубчик, через полгода сдаём новый дом. Туда и въедете! Вокняжитесь в свои хоромы! Не подумайте, просили злыдни на три дни, да оставили без своего угла навек. Не-ет! Обязательно въедете! Под честное слово обещаю! А до той поры не поживёте ль с нашей Аннушкой? У Аннушки, правда, семья, ребёнок...

— Право слово, я и не знаю как... Но раз надо... Отчего же...

— Спасибо, вседобрая вы наша скоропослушница, — ещё круче краснеет Визирев и прикрывает локтем на столе диковинную книжечку «Выделение гликофинголипидов головного мозга свиньи и изучение их свойств». Как до меня после доплескалось стороной, он заочно учился на зоотехника.

Бал — чёрт с печки упал

Аннушка, как и я, бухгалтер. Конторская если не крыска, то уж мышка. Точно.

Меленькая, хуленькая. Ни дать ни взять пацанка-пятиклаха. Аннушка — великая фантазёрка. Она всерьёз считает, что никогда не заболеет. Что её всегда спасут поцелуи.

У неё над койкой на стене висит на кнопке вот этот занятный газетный трактат.

Полезные свойства поцелуя

Польскими учёными подсчитано, что во время обычного поцелуя работает 12 мышц губ и 17 мышц языка. Во время поцелуя ускоряется работа сердца, сжигается немало калорий и, как правило, передаётся ещё больше, по сравнению с калориями, бактерий и вирусов. Целуясь не меньше 2-3 минут, пары избавляют собственный организм от стресса и разнообразнейших его последствий.

В Германии предложен оригинальный способ снимать боль ласками и поцелуями, причём ласки должны быть нежными, а поцелуи страстными.

Американские врачи считают поцелуй едва ли не панацеей от всех болезней: он увеличивает частоту сокращений сердечной мышцы и ритм дыхания, что активизирует нормальный кровоток и улучшает доставку во все органы кислорода, благотворно сказывается на лёгких, желудке, кишечнике.

Некоторые люди боятся вирусов и бактерий, которые неизбежно передаются при поцелуе. А зря. Как утверждают

австрийские специалисты, поцелуй можно считать особой вакциной, которую любящие передают друг другу со слюной.

Горой стоят за страстные поцелуи и врачи-стоматологи, так как слюнные железы целующихся активно вырабатывают секрет, богатый солями и микроэлементами, из них можно выделить кальций и фосфор. А вот, например, для нашей зубной эмали это лучший бальзам. Те, кто любит целоваться и делает это часто, менее восприимчивы к кариесу.

Как видите, поцелуй любви может заменить собой многие лекарства. Поэтому дарите своим близким и самым любимым универсальное народное средство от болезней — страстный и нежный поцелуй. К тому же медики утверждают, что часто целующиеся люди в среднем живут на 5—7 лет дольше, а самое главное — намного реже обращаются к врачам.

Конечно, поцелуй поцелую рознь. Известно, что через поцелуй переходят такие заболевания, как, например, герпес, гепатит и коварный сифилис. Так что в этом смысле надо лобызаться не с кем попало, а с проверенными людьми! И всё же во все времена люди целовались, целуются и будут целоваться. Ибо такова сила природы и естественная притягательность поцелуя.

У Аннушки растёт приданое. Восьмимесячный Серёжка.

Временами к Серёжику набегет папка, стеснительный сержантик с удивлёнными бровями.

Сержантик ещё служит. Осталось где-то пять месяцев с копейками. Часть его за три кварталушка от нас.

Уж и не знаю, какими правдами он если не через вечер, так каждый вечер у Аннушки. Придёт, стеснительно возьмёт на руки синюю свою стеколочку, как звал сына за синие глаза, и на пальчиках распохаживает по тесному коридоришку меж нашими с Аннушкой койками, стеснительно подмурлыкивает с приплясом:

Свинки в лодке танцевали,

Все копыта поломали.

Инцик-бринчик-пок,

Вышел маленький дружок.

Аннушка знай по кухне мечется, словно скипидаром смазанная. Надо успеть приготовить что-нибудь мужу — он весело всё гудит себе под нос:

Сидели два медведя

На тоненьком суку.

Один читал газету,

Другой мешал муку.

Раз ку-ку, два ку-ку,

Оба шлёгнулись в муку.

Аннушка хлопчет в его фуражке. Фуражка круто съехала набок. Закрывает половину лица.

Ни на неё, ни на него без невольной улыбки не взглянешь в полные глаза. Дети, они и есть дети.

Я ловлю себя на том, что вижу, как он стеснительно-трагически поднял кверху брови, радостно-простецки молит взором:

шла бы ты к Богу в рай гонять чайковского!

И я шла.

Над нами, этажом выше, не бог — богиня наша с Аннушкой жила. Лидия Сергеевна Лопачёва, главбухша наша и по совместительству старая дева.

Короткая, круглая, будто кадушка, она почему-то во всякую дверь, в узкую, в широкую ли, входила всегда боком. Крупное землистое лицо и без того некрасивое основательно портил огромный тяжёлый нос трубой. По коридорным авторитетным слухам, этот нос Бог семерым нёс. А Лопачёва весь хватанула себе. Пожадничала.

Лидия Сергеевна (в глаза и за глаза я называла её кратко: Ли Се) предлагала мне жить на два конца. У неё и у Аннушки. Когда где удобней. Вляпалась в растрату непредвиденную, купила диван-кресло для меня.

Да я всё не соглашалась.

Боялась оставаться с нею в ночь без света: я страшилась её носа. С нею происходило что-то мне не понятное. Не единожды я заставляла её дома в слезах.

Она скоро вытирала слёзы, усаживала меня за жидкий чай, в таком чаю всю родню видать, и во весь вечер, даже под телевизор, ругала кошку и мужчин. Кошку за то, что та лежала у неё в ногах, мало согревала постоянно зяблые ноги. А мужчин только за то, что они мужчины.

Казалось, каждое утро она лишь на то и просыпалась, чтоб

продолжать перемывать мужские косточки.

Но от её промываний, увы, порода мужчин не улучшалась. И так весь вечер она ворчала.

Я не поддакивала. Я не умею поддакивать. Я просто молчала. Ждала, покуда снизу не застучат вилкой по батарее. Беги! Наши отбыли на срочную службу!

6

Несподручно бабе с медведем бороться, того и гляди, юбка раздерётся

Однеж вызывает меня Визирев.

— Ну что, голубчик, кидаем вас на прорыв. Такая будет наша виза. Как самую молодую, как самую энергичную, как наконец самую красивую во всей конторе!

Я удивлённо привстала со стула.

— Да, да! Ка-ак самую красивую! Красота... О, это очень важный рычаг, если хотите, для выполнения поставленной задачи. И прошу не удивляться. Будете вести оперативный учёт солдатской картошки.

— Не понимаю...

— Поймёте... По порядку... У нас в хозяйстве десантники будут убирать и отправлять картошку. Командование взяло волю солдат и просило прикомандировать к ним молодую и именно красивую учётчицу. Иначе никакого стимула. А без стимула что-нибудь идёт в толк? Да-а... Это не на рюмку сватать... Ну... В работе

вы боевая, надёжная, умелая, как говорят уральцы, к рукам куделя. Вот я и вышел на вас. Входите в согласие. Что вам... Будете учитывать да попутно стимулировать. Ну надо!.. Вы хоть прониклись, поймали тему?.. Иначе ж уборка картошки может сорваться!

Я не знаю, как въехать в отказ. Да ну раз надо... Значит, надо! И я не смею отказаться. Смущённо бормочу:

— Ладно, что ли... Попробую...

7

Вовремя цвет цветёт

Дали мне фуфайку, сапоги резиновые сорок последнего размера, брезентовые брюки.

Учитывала. Может, и стимулировала. Вот дети!..

Подошла машина. Не грузят! Живчиком подлетаю от другой машины.

— Чего гоняем вальта? Почему простаиваем?

— А вы не стойте с тетрадой только там. Постоите и у нас. Посмотрите, как мы работаем!

— На что смотреть-то?

— Пожалуйста!.. Фазаны⁸, кончай косить изюм!

И бегом от машины к мешкам. С мешками — к машине. Друг перед дружкой горят выстараться. Отошла гружёная машина. Обсыпали кружком. Допытываются, за кого б я пошла.

— За меня, замануха, пошла б? — спрашивает один.

⁸ Фазаны — солдаты весеннего призыва

— Конечно! — Парень руку к груди. Кланяется.

— А за меня? У меня дом на семи жердях с подъездом.

— И за тебя, пельмень худой.

— А за меня? Будешь королевствовать!

— И за тебя.

— А вот за меня, забавница? — вжался плечом в кружок Валера. Из всех парней я и знала-то по имени и в лицо одного Валеру. Ему поручено было заезжать за мной утрами и подвозить по вечерам с поля, что Валера аккуратно и делал.

— И за тебя, раздушенька. Успокойся!.. И за тебя!.. И за тебя!.. — с усмешенькой тычу пальцем во всякого в кружке по порядку. Подурачились с мину-ту, свернули базар и к делу.

8

Не сурово кади, святых не опали

Наутро сажусь я к Валерке в кабинку ехать на поле. Чин чинном расселась, как чирей на именинах. Валерка и засылает на разведку мне вопросец:

— Ну, ты не забыла вчерашнее?

Его дерзко острый взгляд срезал меня. И я растерянно выдавила:

— А что... было вчера?

— Как что?

— Да, что? Ну... Вчера было вчера... Что ещё? Что из вчерашнего я должна помнить?

— Вышак!.. Забудчивая... Ну

хотя бы то, что принародно обещала, дорогаша. Пойти за меня!

Раскрыла я рот шире кабинного окна.

— А ты, Валерк, извини, конечно... Или ты дурак, или рождён ты так?.. В кружке было человек с двадцать! Так что ж, пельмень худой, за всех идти? Щас! Только вот валенки зашнурую!

Выбелели у него губы. В лице ни кровинки.

— Не обо всех речь. А обо мне, — упрямо давит своё. — Так пойдёшь?

— Поеду! — озлénно вкричала ему в самое в ухо, так что он дёрнулся головой от меня. — Ты что, разумник, не понимаешь?! Это ж просто так. Игра. Ухватил? Игра-а! Самая разная игра!..

— Вот именно. Настоящая игра играется по правилам. А ты? Наобещала и бесследно — ни пены, ни пузырьёв — мимо?

«Божечко м-мой! Да этот блинохват не отвяжется по нахалке... Неделю целую возил — золотой был. Молчал, как рыба в пироге. А тут заговорил мой немой!» В самом деле. Неделю подвозил меня по утрам в поле, по вечерам с поля. Подкинул к дому, прыгя с подножки, сделала ручкой — досвидос, целоваться некогда! — и побежала. Он себе поехал в часть. За всю-то неделю и не слышала я его голоса, не знала цвета его глаз. Я просто не видела человека. И теперь, будто нагоняла упущенное, с любопытством посмотрела на него снизу вверх.

Я впервые видела Валеру. Наши глаза встретились. Валера мрачно глядел в упор. Повторил:

— Так пойдёшь?

В голосе железо, решимость, каких я ни от кого и не слыживала. Не знаю почему, но мне показалось, что говорить ему сейчас хоть да, хоть нет одинаково опасно. А между тем мы уже подлетали к полю. Надвигалась на нас, росла гора картошки в сетчатых мешках. Нас увидали. Замотали лопатами. Слава богу, люди совсем рядом.

— А знаешь, — насмелилась я, — кажется, я... пойду... В его лице ничего не изменилось, если не считать, что на щеках дрогнули камни желваков, и тяжёлые руки на кольце руля пошли одна под другую. Шоком⁹ развернулся на краю размолоченного, пустого, уже без картошки в земле, поля, на полном газу резанул Валера назад.

— Ты к...ку...да...а?! — испугалась я.

— Лично я к капитану Рябкобылко, — не убирая яростных глаз с дороги перед машиной, тихо ответил он. — Пускай послушает.

— Я, дурилка картонная, что-то не то лягнула? — совсем потерялась я.

— Именно то. И повтори то же самое капитану. Возрадуй нашу сваху в мундире.

— Зачем всё это капитану?

— А это дело у нас проходит только по ведомству капитана. Без его согласия ни-ни... Нашальник! Капитан у нас вроде попа. Исповедуйся ему. Нас же считают ещё малятками. Боятся, как бы чего такого-этакого не навертели. Врубинштейн?

9

Базар цену скажет

Подлетели мы к воротам части. Важно выступает из проходной на крыльцо сам капитан. Там худющий — одна арматура! И вышины непояснимой. С хорошей кочки отовсюдушку такого видать. Валера обжегал перед машины. Подал мне руку.

— Товарищ капитан... Мы... У нас... Вот... Извините...

Вывалил Валера последние уцелевшие слова. Со вздохом повинно сронил голову на грудь. Я хочу вывинтить руку из его горячей цепкой, льнучей руки — не пускает. Напротив! Дёргает книзу, сжимает больней. Не смей кочениться! Только тут я замечаю, в каком же это непотребном виде наявилась я к капитану. В брезентухе, в «кухвайке», в грязных сапожищах сорок растоптанного размера. Стою непричёсанная, космачом. Прямо иноприлетянка какая. Согнал капитан на лбу морщины в гармошку. Обжигает глазами сверху донизу.

— Едри-копалки! Это что ещё за фокусики в дорогущее рабочее время?! А видок!..

И мягче, уступчивей:

⁹ Шоком - быстро

— Заходите, гулёки, ко мне, — махнул рукой с пальцами веером. — Поговорим всё же... Это надо обкашлять...

Расспросил, кто я да что я, откуда. Про родителей спросил.

Я всё как есть.

В пятьдесят четвёртом родители мои, тогда ещё вовсе не знакомые друг с другом, прискакали по путёвкам осваивать оренбургскую целину. Целина их сознакомила, поженила. Живут в целинном посёлке. Это под боком у городка Светлого. В семье четверо детей. Я последка.

— Вижу, создались у вас принципиальные отношения... А знакомы вы давно?

Я и не знаю, что отвечать.

Пошёл Валера выкручиваться. Буркнул:

— Давно...

— Как давно?

— Ну да очень давно, товарищ капитан!

— Дату! Дату назовите, когда познакомились.

— По части даты... дело... совсем... плохо, — просительно покосился Валера на капитана. — Было это, товарищ капитан, та-ак давно, что даже сообща не упомянем...

— Куда в таком состоянии поминуть, — махнул капитан рукой.

Взял с новой, строгой ноты:

— Это надо провентилировать... Любовь не объект для лёгкой игры. Тем более семья. Вы хорошо продумали? У вас всё это серьёзно отрегулировано?

— Так точно, товарищ капитан!

— А что девушка скажет?

Я почему-то кивнула. Боязко.

И старалась больше не смотреть капитану в глаза.

Но после, когда уже ехали от капитана, стало ещё страшней. Накатил, навалился на меня такой страх — словом не назвать. Захлонуло всё во мне. Заледенело.

— Что же я, дураха кислая, натворила? — заплакала я. — Делать-то что?

— А что все. Ты ж уралка!.. Уральская косточка... Шибко не боись. Уральцы — народ ратный. Ёлы-палы! Запишемся да будем жить, землячка!

От такой бессовестной его наглости я даже перестала плакать.

— Ты — земляк?! Что это ты ещё в земляки трёшься?

— А-а! Ты ещё не в курсах!

Валера сбил фуражку на затылок.

— Так слушай. Форменный я тебе земляк. Целинного образца. Как и ты. Той же Оренбургской области. Под боком у Орска. На берегу Урал-реки... Золотые места. Деревня Ключи. Валера Просветов. Будем знакомы. Он протянул мне коряговатую руку. Я оттолкнула её и пересела поплотней к дверке.

10

Конфуз — съели арбуз

На поле на нас клеили обиду. Озлились. — Блин блинский! Да вы где прохладжаетесь?!

— Дело всё стоит... А они сверкнули на горизонте и стёрлись,

накрылись зонтиком... Не знаем, куда и бежать листовки клеить...¹⁰ Да вас на молекулы мало разнести!

— Грузить надо или не надо?!

— Может, им не до картошки...

— Как уже осторожно заметил провидец Витёка Невзгода, «их отношения зашли так далеко, что стали близкими»...

— Поглянь, ребя, как они сияют!

— Похоже, заточены под счастье!

— А может, они и в самом деле на исповеди у капитана токовали?

— Может быть... — надвое так ответил Валера.

Что тут поднялось! Одни поздравляли нас. Другие открыто вскозырились и ну метать красную икру баночками. Негодовали со всей той горячей пылкостью, на какую способно лишь отважистое молодое сердце.

— Быстро же вы саукались! — Ну-у и Валерио!

— Ну-у и гу-усь!

— Ну и титька в каске!

— Ну и уха-ач на ура!

— Тихий-тихий... А из-под носа у всего взвода какую княжну духом спioniерил! При нём царевна! А мы остались на эфесе ножки свеса! Вот ухохотайка!

— Если б ещё по чесноку...¹¹ Воспользовался, что у него машина... Самоходом первый с визитом любви, мира и прогресса к капитану!

— Это прямое злоупотребление служебным положением!

— И потом, Галя, Галинка, милая картинка!.. Ты ж, милавица, всем нам обещала. А к капитану ушуршала с Валеркой!

— Суцая тебе Анка-пулемётчица! Целый же взвод отстреляла и не охнула. Оставила в живых себе на радость только Валерку-холерку. Что особенного-то в нём чёрт свил? Непонятки...

Чудики... Если б хоть что-нибудь я сама понимала во всей этой коловерти...

11

Какие сами, такие под вами сани

Прочитал Визирев моё заявление на трёхдневный отпуск, жертовенно сложил руки на груди.

— Хоть ложись и примирай. Ну эти военные помощнички! Ни в дышло ни в оглоблю! Какую дивчину ни пошли — этот эректорат раз и в загс! Раз и в загс!.. Р-раз и в загс!.. Это ж форменное разбазаривание моих дорогих кадров. Моего золотого фонда. Из года в год безбожно оголяют боевые бухгалтерские тылы!

— Посылали б тогда доблестных передовиков. Ту же Ли Се. Или, может, пост главного не позволяет её посылать?

— Э-эх, святая простота! Да не вдруг же она вломила в главные. Десять картофельных сезонов кряду сама набивалась. Ездила-ла! Эффект ну-ле-вой! Ой!.. Впечатлизмы от неё могильные.

¹⁰ Куда бежать листовки клеить? — что делать?

¹¹ По чесноку — по-честному

Ну кому нужен этот звероящер?!

Визирев до шёпота стихил голос:

— Есть горячее предложение — нетоньки даже холодного сбыта. Оттого и зла, как чёрная мамба¹².

Теперь я немного догадываюсь, почему она с таким рвением перетирает во всякий вечер мужские косточки.

— Комплиментов от неё наш брат не жди. Пригласи её на свадьбу. Пускай хоть чужому счастьем улыбнётся.

— Не только её и вас зову. К слову, свадьбу мы решили не закатывать... Обойдёмся домашним ужином. Без ресторана, без оркестра, без ансамбля. А как... Дадите вашу «Волгу» в загс?

— Само собой, огневуша! Распоряжусь, украсят кольцами, лентами. Из своих фондов выщелкну на обручальные кольца и к кольцам. Начинайте по-божески. Хочу, чтоб всё у вас было на большой. Такая будет моя виза.

12

Всяко бывает: и мужик жёнится

Елена Степановна, Валеркина мама, доярка, получила приглашение на Выставку. В Москву за так не зовут — за дела за знатные. Потолкалась Елена Степановна денёк по Выставке, а на второй — совсем нетерпёж поджёг! — с утра пораньше наладилась прове-

дать сыновца. Благо, это ж рукой достать! Приехала в часть. Ей и объясняют, нету Валеры на месте.

— Куда ж он делся? Или беда какая к нему привязалась?

— Этого покуда ни одна душа точно знать не может. — Наверно, молоденький дежурный по-своему решил, что брак штука сомнительная (не зря же говорят, что доброе дело браком не назовут), и не отважился сказать о Валере, который, похоже, ничего не сообщил матери, раз в день регистрации она спрашивает его.

— Не-е, — в тревоге подступает Елена Степановна к дежурщику, — я так не отступлюсь. Допустите меня к начальству. Пускай начальство мне и пояснит, где мой сын, что с ним. Я человек прямого глаза. Что вижу... Живую правду леплю в глаза. Пускай и мне так напрямки рубнут!

Всё кончилось тем...

Только мы выходим из подъезда к «Волжанке» в лентах да в кольцах — навстречу синеглазка. В окошке напряжённое лицо Валериной мамы. Увидел её Валера — в шаге от «Волжанки» окаменел. Стал и стоит, слова не свяжет. Сгрудились за нами все наши, не поймут, что к чему.

— Мать моя! — наконец вшепнул мне в самое в ухо Валера. — Оупей!.. Что же делать? Я ей не писал. Откуда всё развела? Что скажем? Может, вернуться нам, покуда она не вышла из машины?

¹² Чёрная мамба — самая ядовитая змея в Африке

¹³ Синеглазка — машина с крутящейся на крыше мигалкой

«Что, люди ратные, назад пятками побежали? Вперё-ёд... Что да ни будь скажем!» — читаю на лице Валеры.

Мама вышла из машины. Смотрит то на Валеру в чёрном прокатном костюме, то на меня под фатой — Валера держал меня за локоть — и не может понять, что же такое делается с её сыном, почему это он при всём при параде едет с незнакомицей куда-то?

Поставила мама свою круглую сумку с гостинцами на землю, не кинулась в обнимашки. Похоже, постеснялась народу, запереминалась с ноги на ногу.

— Эко дивьё... дивица... — прошептала в растерянности и виновато заоправдывалась: — На Выставку нежданко позвали... Пиши не пиши, всё едино после меня приползло б. Я и покати, сынок, не написавши. Ехала вроде как под большим секретом... С сюрпризом...

— По части сюрпризов, ма, мы тоже не отстали... Вот, — глазами Валера на меня, — кажется, женьсь...

— Ну, жениться не помирать, — назидательно проговорила она, первая пошла ко мне. Поцеловала...

Все вместе ехали мы в загс и совестно было мне и перед Валериной мамой, и перед своими. Я, правда, как-то обмолвилась им в письме одной фразой «Я больше не ваша дурочка», но поняли ли они её так, как было уже на самом деле, не знаю.

Почему мы скрывали? Не верили в себя? Не верили друг другу?

Может, ждали втайне друг от друга скорого распада и не спешили писать своим? Тогда же проще будет забыть всю эту нечаянную игру да и лучше. Хоть своих в позор не втопчем.

Откуда мне всё это знать?

13

— *Та ну на! Пей!*

— *Я сине-зелёное тить не буду! Вдруг посинеешь или позеленеешь?*

Римма Негрей

В кружку не без душику

Когда все пятеро собирались мы в своей семиметровке, мы ощутимо чувствовали локоть друг друга. Но долго нам не хотелось чувствовать чужие локти и мы, не ропща на судьбу, всем весёлым гамузом выкатывались на волю.

Всё бы ничего. Да наши прогулки кончались как-то не по-людски. В какую сторону ни иди, мы обязательно въезжали в винную лавку, прозванную мавзолеем.

Стеснительный брякотливый сержантишко виновато трогал Валеру за рукав:

— Я не какой там карманной слободы тяглец¹⁴. С капитальцем туговато... Ищи копеечку, как хлеб насущный ищешь. Нос чтой-

¹⁴ Карманной слободы тяглец — вор-карманник

то свербит... Надо срочно офлакониться. Обязательно надоти разгерметизировать шкалик... Сегодня ж день взятия Бастилии! Как не отметить?.. Не то раздумают брать... Так что расчехлись на монетку.

— Ну ты ж водку врагом солдата называешь! — пытается Валера отбояриться.

— Да, эта пьяниновка — чистейший и злейший враг солдата! И своего врага я в упор не желаю видеть!! Я на портвешок...

Валера не смел скрысятничать¹⁵ и с видимой неохотой выворачивал карманы. Я не пью, а только с добрыми людьми знаюсь, говорил при этом его расшибленный вид. С сором наскребалась мелочь. Сержантик вскидывал с нею кулачок, как знамя, влетал в мавзолей и не забывал с порожка простецки-радостно поклониться тесно уставленным на полках бутылкам. Над стойкой осторожно разжимал кулачок. Горкой насыпалась потная медь. Где-нигде проблёскивали белые монетины.

— За всё — одну яблочную слезиночку! Поскорей! А то печень рассыпалась у меня на мелкие атомы!

Теснился в коляске Серёжка. Рядом почтенно укладывался чёрный снаряд бутылки. Мальчик в испуге тарачил на неё глазёнки.

— Вот откупили мы в магазине Серёжику сестричку, — сюсюкал сержантик. — Сестричку...

Серёжику... Ты, мать, — оттирал Аннушку от коляски, — следуй обочь. Знай отдыхай! До дна дыши кислородом вот... Заработала. Сюда ты катила, назад — с двойней! — покачу я... Дома... Нам абы день убить, а ночь не увидим...

За такими речами свернули мы в свой проулочек, к дому. Мы с Аннушкой и с Серёжиком в коляске поплелись в подъезд, а парни качнулись к лужку за огородными тылами на погоду посмотреть.

Как потом рассказывал мне Валера, молча они идут и издали видят: на лужку щиплет травку соседская коза, привязанная к кусту, и незнакомый мужик, воровато озираясь по сторонам, отвязывает верёвку. Это крайне подивило сержантика. Он-то прекрасно знал, что у козы была хозяйкой одинокая бабка. Через день он бегал к ней и по поллитровке покупал у неё молоко для сына.

— Он хочет её умыкнуть! — оторопело прошептал сержантик Валерке. — Как невесту на Кавказе! Мы с тобой привезли себе моньки. Сейчас пойдём разговеемся. А этот ханурик хочет навсегда оставить моего слабенького Серёжика без дорогой моньки! Да я за родного сынушку... За моньку для родного сынушки!.. Я этого шаршика счас побегу придушу!

— Молчи. Посмотрим, что будет дальше.

Пристыли они за плетнём. Наблюдают. А незнакомец тем

¹⁵ Скрысятничать — отказать

временем отвязал верёвку от ку-ста и, степенно оглядевшись, не спеша повёл козу в поля, начина-лись сразу за огородами.

Сержантик командует:

— План такой. Пока смотрим. Может, дядя шутит с козочкой? Погуляет минуточку-другую, отве-дёт душу и вернёт козочку на её лужок. Если запахнет тем, что не вернёт, я шнурую за ним. Ты то-паешь за мной метрах в ста...

— А ну удрапает?

— Куда? Месяц на рогу¹⁶, светло. Кругом ровное поле...

Сержантик медленно на-правляется к полю. Похоже, это заметил незнакомец и набавил шагу. Сержантик не вытерпел и крикнул в рупор сложенных у рта ладоней:

— Товарищ гражданин! Про-гулка при луне с молоденькой козочкой... Это романтично!.. Но козочка-то чужая!

Незнакомец, пригнувшись, бросился наутёк. Но козу не от-пустил. Игра окончена. Сержан-тик махнул Валере фуражкой — давай сюда! — и рванул следом за беглецом.

Парни заломили ему руки за спину и вместе с козой примча-ли в верейский трибунал¹⁷. Вора милиционты оставили себе для выяснений, а козу с миром отпу-стили. С нею сержантик и Валера нагрянули к бабке.

Оказывается, бабка прихвор-нула сегодня и не смогла засветло

забрать козу с лужка. А когда спо-хватилась, коза-шалопутка уже гуляла с незнакомышем в полях.

Сержантик был на седьмом небе и хвастался по пути домой:

— Валер! Вот так мы! Ай да мы! Не дали козушку скомсомо-лить... Какой подвиг сегодня по-ложили... Вот моя ворчит, что я легонько под моментарий иногда штудирую градус. Ну и что? Это ж так, чистое баловство по слу-чаю случайно случившегося слу-чая. И всё равно я как доложу? Ты шить пей, да дело разумеи! А разве я не разумею? На подвиг вон сегодня даже выскочил!

Ну... Возвращаемся мы с про-гулки при бутылочке раз, два.

Только уж под третью не кинулась я сегодня жарить кар-тошку.

Сколько можно барбарисить то за знакомство, то за дружбу? А теперь вот ещё и за здоровье спасённой козы?

Выставил сержантик бутылку на стол. Сам полез в стол искать отпечатку, как звал он штопор, я и сунь, пельмень худой, ту чёрную динозаврину в помойное ведро.

Сунула, а сама загадала. Хва-титесь Валера из помоев спасать фугас — к чертям к собачьим! Разводище! Раз наш брак дей-ствительно оказался с браком, так на кой же за такой брак дер-жаться?

— Э-эй!.. Кто да ни будь!.. Кыр-раул! Гра-а-абют! — с ко-лен завопил сержантик, в панике шаря глазами под столом. — На этом на самом месте, — садит

¹⁶ Месяц на рогу — рожками кверху

¹⁷ Трибунал — отделение милиции

штопором по столешнице, — ставил. Скургузили! Ну и бейсбол! Ну и ёбщество!.. А ты говоришь — купаться!.. Скоммуниздили!!! Утартали!!!

— Не паникуй. Недалече утартали.

И с этими словами киваю ему на ведро.

Сержантик так и сел на пол.

— Мама родная! Огнетушитель мой... любчика моего куда спровадили! Да кто ж в ополосках вину охлаждение даёт?!

Вбежали на кухню Аннушка, Валерка.

— Вот! — сержантик горестно показал Валерке на фунфырик в ведре. — Кимоно-то херовато... Полюбуйся! Вот так ёперный театр! Узнаёшь марку своей милой картинки?

— Ты что за моду выводишь? — громыхнул мой на меня. — За неё ж деньгура плачена. Я платил не один. Человек вот тоже платил, — тычет глазами на сержантика на полу.

— Да! Платил! — взвизгнул сержантик. — И своей роднёйкой копейшкe я не дам в помоях утопнуть, магнит тебе в сумку!

Сержантик схватился с полу, спешливо выдернул бутылку из ведра. С бутылки грязно стекало. Сержантик держал её над ведром, тихонько завстряховал. Силился смахнуть с пробки зелёную тяжёлую соплю, что плотно покрывала весь верх бутылки. Сопля не съезжала, приваренно сидела.

— До чего ж и благородное ёбщество... Это ж какая кадра со

всей дури такими кидается!? — гнусил сержантик и спихивал соплю книзу спичечным коробком. — Серёжик, что ль?

— Да не позорься, тормозок... Бросил бы? А? — робко проговорила Аннушка. — В опойцы¹⁸ рвёшься? Набежал на радость — пить за здоровье козы!

— А чем тебе коза не угодила? Тем, что спасает своим молоком твоего же сынка?

— А! — в печали отмахнулась Аннушка. — Пьёшь, пьёшь за чужое здоровье — своё потеряешь! Бро-ось...

— Пробросаешься! И скоро! Закрой, тараканья титька, свой борщехлёб и не греми крышкой! Сразу видать, нету в тебе моей закваски... Я не пьянчуган... Но за что платил — помру, а употреблю! За что плочено, то и проглочено! И потом... У нас же с Валерой сегодня праздник! Подвиг какой положили! Спасли соседке козу, чьё молочко попивает наш же Серёжик. Спасли! Как такое событище не обмыть? Украдут снова... Я спасать и за мильон не побегу!.. Козушку спасли... Ворюгу в ментовню под расписку сдали... Подвиг! За подвиг не разгерметизировать бутылочку... Это не преступление?

Я не понимала, ну как это можно так обмирать по вину. Сержантик ополоснул бутылку чистой водой. Вытер. Прижал к груди. Погладил:

¹⁸ Опоец - человек, умерший от перепоя

— Бедненькая... Нету у тебя тут защитничков. Одни чёрные изменщики!

Посмотрел литровичну на свет.

— Хорошо, что хорошие пробки делают. Сколь на заводе влили, ни граммочки ни убавилось, ни прибавилось... Пробки у нас хорошие. А вот народец, — повернулся он ко мне, — антисознательной... Конечно, кое-кто... кое-где... Вот приведи сюда народный контролио... По головке не погладит за таковский выбрык. Кидаться целыми фугасками! Вот кто за этой чёрненькой-зелёненькой стоит? На-род! И на-род хоро-ший! На-род растил яблоки... Собирал... Вёз... Мыл... Гнал... Разливал... Вёз... Продавал... Поку... покупал, — ткнул в себя пальцем, в Валерку. — И возради чего? Чтоб в помойном ведре утопить славный путь? Не-е... Я, конечно, извиняюсь, господа милые, но раз я платил свои ноль пять, я свою долю и употреблю...

Пупком, с верхом, набухал два гранёных стакана.

— Здравствуй, стаканчик, — он поднял стакан над собой, посмотрел его содержимое на свет, — прощай, винцо!

В два глотка выпил на лоб. До капли. Страшно удивился:

— Валерк! А ты чего не берёшь? Чего не приступаешь к процессу? Кончай этот придурёж! Что, в отстающие, пардонно, в хорошие метишь? Меть не меть, а знак качества на лобешник не пристукнут. Бу спок!

Валера не потянулся к стакану. Не полез в объяснения.

Смолчал, будто и не слышал.

Радость за Валеру полоснула меня по сердцу.

— Я за Валеру! — Схватила полный стакан и шварк всё в ведро. — Косорыловке мы не кла-няемся!

— Хо-хо... Негоже, фигура ты из-под Кунгура, так обскорблять винишко. Не кланяешься, ну и не кланяйся... Но обскорблять... Швырять вместе со стаканом в ведро... Это приравнивается к оскорблению присутствующих дорогих мужчин... Такую горечь, Валера, только горьким и запить. Прими, дружка, посошок и адью...

— Я — мимо, — отказался Валера.

— Ну и глупо. Какой же ты лидер в семье, раз не можешь своей дать душе выхода? Всё поглядываешь, как жен-на...

— На то и женился — поглядывать...

— Ладушки... Боишься... Как это про вашего брата десантника поют?.. Десантник, как дорогой сервис, может упасть и разбиться! Во!..

— А чего бы мне бояться?.. И вообще, стройбатя, ты на нашего брата не пуржи. А то навсегда останешься загадкой для хирурга.

— Чем угрожать, лучше б выпил...

— А насчёт выпивона и тебе не мешало б побить аппетитац... Не можешь сам, поможем... Знаешь же... Прыжок — дело добровольное. Хочешь — прыгай. Не хочешь — вытолкнут.

— Мда-а... «С парашотом шутки плохи, у него нет чувства юмора». — Сержантик слабо вскинул руки: — Кошматерный переплётёц... Без боя сдаюсь... А всё равно... Неудачник ты, бедун... Потому как жизнюка будет у тебя как у седьмой жены в гареме... Жа-а-аль... Жаль мне тебя. Вот ты при хорошей при своей половине сидишь облизываешься... Манит же употребить... Не может не тянуть... По себе знаю. А ты — ша! Великий пост, товаришок стакановец! Ну, неучтивец, сиди говей да взглядывай. А я при плохой при своей стаканами витамины, — сержантик запоздало приподнял стакан с вином, — витамины жизни принимал и буду... При-ни-мал и бу-ду... При своей плохой...

— Что ты, горелый колышек, керкаешь? — завозражала Аннушка. — Кончай гнать пургу! Плохая да плохая... А я вот, пьянист, посмотрю-посмотрю да и себе подамся в хорошие. Ну кому в охотку бегать в плохих?

14

Тихо поедешь — беда догонит, шибко поедешь — беду догонишь

Наведывал меня Валера нечасто. Служба, она и есть служба. Как вырвет когда часок, вымолит у капитана, так и ко мне.

Приходит раз, я и говорю:

— По твоим подсчётам, месяц тебе до дембеля. В чём будешь форсить на гражданке? Не в форме же... А давай сделаю я

тебя модником. Давай купим тебе джинсы. Это тебе и сувенир будет. Как-никак шьёт их наша Веря.

— Шьёт? Что ж там шить? Рвань рваниной! На коленях, на задку вытерто до последнего. Зато цена кусается. Двести рэ! Да не лучше купить пятеро шерстяных? До второго пришествия хватит!

— Да-а... Не сделать тебя современным. Не сделать...

— И не гадай.

Дня три отслоилось после этого разговора.

Заявляется Валера весь счастливый, сияет начищенной пуговкой. Картинно подбоченился мой запевуха:

Ехала машина

Тёмным лесом

За каким-то интересом.

Манит пальчиком хитро так.

Инти... инти... Интерес,

Выходи на букву эс.

— Я-то вышла, — напугалась я. — Да ты вот что, пельмень худой? Сбежал и употребил где?

— Никаких употреблений! Я выпал из меридиана!¹⁹ Дембель я через неделю! Ополченец!²⁰ Прибыл вот вас, Галина Ивановна, проинформировать.

— Да тебе ж ещё месяц!

— Это мы с тобой, веселуха, так считали. А начальство по-своему сочло, женатиков наперёд

¹⁹ Выпасть из меридиана — демобилизоваться

²⁰ Ополченец — отставной казак

пустило... Примерное прилежание, то плюс сё... Так что скоро в родную сторонку попылим.

Я и вовсе пала духом. Потерялась. То я думала про себя: не сегодня, не сегодня, а там, гляди, может, само собой перемелется. И дотянула до крайнего дня.

— Ну чего ты вся кислая?

— Ты прокислил.

— Че-ем?! Едем же с тобой домой! Аля-улю на Губерлю! Кончилась моя срочная служба!

— Да моя только началась... После распределения отлилось лишь четыре месяца... А я три года как из пушки отдай!

— Трагедия! В Белых отдашь.

— Да не-ет... Я так подразвела... Отдавать надо там, куда послали...

— Ты рассуждаешь, как полутурок...²¹ Не хочешь ли ты сказать, что все эти три года я должен скакать при тебе, как казачок?...²² А Ключи?... На неделе тамошний директорио напомнил про наш с ним уговор. Я обещался вернуться. А он к моему возвращению выставляет мне новый трактор. Зовёт. Приезжай, пишет. «Уезжал ты со старого, а вчера вот получили три новых. Один записан за тобой. Стоит, ждёт...» Понимаешь, стоит, ждёт меня! Доехало?

— Всё это прекрасно. Класман! Но ты в некотором роде женат. Ты подумал про меня?

И что, разве здесь не найдётся тебе какой заваливающий тракторишко?

— Чики-пики! Да на что мне заваливающий? Новенький ждёт! Но-венький! Там я буду каждый день выходить на четвертной, а ты — заваливающий... Кто от добра отпрыгивает? И потом, старики дома одни, здоровье подтопанное. Хорош же я буду сынуля, если прикисну на чужой стороне. Не-е, — смотрит на часы у себя на руке. — Мне пора. А ты иди, копи в бегунок автографы. Чтоб как штык была готова в дорогу. Да, чуть не забыл в суматохе... Бей телеграмму своим. Пускай потихоньку готовятся... Накроем поляну! В Ключах сыграем по-людски широкую свадьбу! Или мы нелюди?

15

Чужая беда не палка в поле

Я к Визиреву. Визирев вроде того и не против.

Грозной силы я не представляла, конечно, и особой нужды в бухгалтерях Верeya не испытывала. Чувствую, Визирев хоть сейчас махнёт свою закорючку мне в бегунок.

— Только вот, — скребёт верхом ручки себе затылок, — что скажет-то наша глубокоуважаемая Мидия Сергеевна? — За глаза он на свой лад величал Лопачёву. — Она у меня правая финансовая рука. За ней тут последнее слово.

И под строгим секретом выпел такое... Оказывается, когда

²¹ Полутурок — политрук

²² Казачок (здесь) — полевая блоха

я сошлась с Валерой, Лопачёва прибежала к Визиреву, закатила такой концерт! Не пуцу и не пуцу!.. Пену разбросала по стенам, по столам и гордо, с чувством свято исполненного долга удалилась.

— Вся беда в том, — продолжал смущённый Визирев, — Лопачёва — я её за язык не тянул, — как-то выронила, что влюблена в вас, как дурочка, в первый раз.

Меня всю так и переклинило от этой новости:

— Я что-то этой любви не заметила... Каюсь...

— Влюблена всерьёз и надолго, — подтвердил Визирев. — Влюблена с первой минуты...

Припоминаются бесконечные лопачёвские уговаривания жить у неё, поправки, что вот-де на кресло-диван потратилась напрасно, купила особо для меня...

В самом деле, почему я таки не перешла к ней жить? Не хотелось превращаться в куклу, в домработницу? Бывало, только сунешь к ней ногу за порожек — протри пол, выбей половики, слетай в магазин... Ноги, видите, у меня молодые, пробежистые... Очень мне нужен этот шараш-монтаж.

— Ей нравится, — продолжал Визирев, — ваша исполнительность, дисциплинированность, аккуратность во всём. Дело своё знаете. Не только на счётах хорошо ходите...²³ Капризы свои не

выставляете, хоть порой нагружают вас работой не по профилю... А баланс, баланс, позвольте, какой? Получается, ваша беда — вы слишком хороший работник и просто как человек ей нравитесь.

— Но я могу и разонравиться, если дело за этим станет. Не выйду на работу раз, не выйду два, вы и проститесь со мной по статье.

— О нет, голубчик, прощения не будет долгих три года! Видите, штука какая... Не имеем права выгнать вас. Что ни выкамаривайте, а мы будем вас лишь довоспитывать. Терпеливо, настойчиво. Вы же молодой кадр, в течение целых трёх лет никакой не мочи грубости относительно вас!

— Ну, допустим недопустимое. Осталась я с мужем. Где прикажете жить? Впятером на семи метрах? Это что? Тоже так положено молодому специалисту?

— Голубчик! По части жилья мы ж договорились. Потерпите ещё месячишко-другой — у вас двухкомнатная в кармане!

— Велика ж двухкомнатная — в кармане вмещается... Жить-то как в кармане?

— Я про ключ, разумеется, от двухкомнатной. Ну что гонять из пустого в порожнее?.. Я хоть сегодня подмахну бегунчик, увидь на нём лопачёвскую царашину. Вот так, голубчик, да...

С тяжёлым сердцем уходила я от Визирева. «Ласковый, культурный ты, Визирев, — думала я. — Не зря в прошлом учитель,

²³ Ходить на счётах — считать на счётах

пускай и черчения. Черчиль... Свиные извилины тебе покоя не дают... Вы говоришь. Вежливую показуху разводишь. А осадить, окоротить лопачёвщину, стать своей неповалимой властью поперёк безобразию — на это тебя уже недостаёт. Замерсикался, голубчик! Такая вот тебе наша виза...»

16

Два друга — буран да вьюга

Лопачёва была в кабинете одна. Смеркалось. Тускло вокруг пустели столы.

Вся бухгалтерская рать уже разбежалась. Дело к вечеру, к пяти, клонилось. Все ушли. У всех семьи. И минуты не просидят сверх.

Вечерами Лопачёва всегда задерживалась в конторе. Здесь вроде и люди ходят дольше, и голоса чьи-то перекликаются, и сторож в углу молча чадит своей табачной соской. Оно хоть и неприятно, но дымоеда Лопачёва не гнала из своего кабинета. Мужиком живым воняет, всё живым. Не то что дома голые стены, какие-то избыточные, в массивных пронафталиненных коврах, чистых и мёртвых.

Горкой сидела Лопачёва в своём неохватном кресле (прежде Лопачёва сидела на двух стульях сразу — вот слониха! — и стулья вечно и бесславно гибли под нею; потом по спецзаказу для её ста двадцати кило жира и лени соорудили это дубовое кресло), тупым

бугорком возвышалась едва над зелёным простором огромного стола. Было в её фигуре что-то зловещее, роковое. Она еле-еле входила, трудно впихивалась в своё раздольное кресло — пока такую обойдёшь, пряник съесть можно, — и кресло это было ей по самой поре, даже несколько тесновато: сидела она в нём плотно, в самый притык, так что бока развисли—разлились по подлокотникам, отчего казалось, что она вросла в это кресло, в эту дубовую крепь, или кресло выросло из неё, выросли потом из неё ножки стола и весь стол. Она так шла к этим руководящим атрибутам, что мне примерещилось, будто и кресло, и стол, и сама Лопачёва составляют некое единое тело, единый организм, громоздкий и неживой.

Подошла я к Лопачёвой и в нерешительности запереминалась с ноги на ногу.

В сумерках слышен лишь робкий постуки моих каблучков.

— Кончай звенеть копытами! — озлилась Ли Се. — Садись!

Я примостилась с краю на табуретке у лопачёвского стола, как воробей на кольшке.

— Подписать, что ли? — человек-кресло-стол Лопачёва лениво посмотрела на мой бегунок. — Кидай сюда.

Протянула медуза руку в мою сторону. Не выдержала веса своей тяжёлой руки-полена, через мгновение уронила на стол, но не сняла печально-безучастных глаз с круглого зеркала,

прилаженного перед на нею на столе у перекидного календаря.

Я вложила ей в руку обходной лист.

Всё так же не отрываясь от зеркала, Лопачёва начетверо сложила лист, лениво разорвала и тоскливо сронила клочки в пепельницу (Лопачёва курила). Подождла.

— Что вы делаете? Это ж документ! — вскрикнула я.

Лопачёва молчала, как колышек в плетне.

Только потянула согреть зябкие руки у нечаянного костерка. Видимо, тепла он ей никакого не давал, и она утянула холодные руки за стол, безучастно смотрела, как чёрно корчился бумажный огорок в пепельнице. Дождалась, когда всё прогорело, смахнула пепел в сорное ведро.

— И чтоб больше никакой говорильни на эту тему в ближайšie три года. А теперь, подружка, слейся с моих глаз. Со-кратись.

Глухая злоба колыхнулась во мне.

— Да не-ет. Никуда я, пельмень худой, не пойду, Лидия дорогая вы Сергеевна. У меня муж. Я еду к мужу!

— Пожалуйста, «дилетантка очень высокой квалификации». Через три года. И закон, кажется, то же самое гласит? — повысила она голос.

— А что вы подымаете на меня свой вокал? — отхлестнула я. — Не знаю, что там голосит ваш закон, а наш ясно говорит:

не разлей мужа с женой! Тоскливые у вас свечаи-обычаи... Я четьре у вас месяца. А хотько день занималась прямой своей работой? То подменяла учётчицу на ферме. То на картошку на всю осень спровадили... Ударная девочка на побегушках... И часу ж не крутилась в своём деле!

— Ба-ба-ба! Что за крамбабули ты несёшь? Заверни свой краник и смалкивай вежливо. Так оно лучше. Надоела мне твоя достаёвщина! Многим хочется очень многое... Да если каждый будет требовать должността, то что будет? А куда посылают, туда и лети!

— И что, все три года буду на побегушках?

— А ты думала, с первого дня дадут тебе главного?

Лопачёва сдула с указательного пальца прилипшую чернилку с моего сторевшего обходного листка.

Ломливо погладила стол:

— К глубокому сожалению, это место, увы, уже занято. Со-чувствую. Но помочь ничем не могу.

Я поняла, криком дела не сваришь.

— Ну чем я вас подпекла? — тихо спрашиваю. — Ну на что я вам? Других, слышала, вы отпустили сразу. Без звучика. Загсо-вы чернила ещё не высохли. А вы уже подмахиваете бегунок.

— Так то другие молодые дарования... Не знали дела. Не слушались. Не подчинялись...

— А разве я так не смогу? — Сомневаюсь.

— Ну, давайте миром порассудим. В бухгалтерии у вас людей, как мошки набито. Прекрасно обходитесь без меня.

— Ну и что из того?

— Без нужды держать человека... Я думаю...

Лопачёва перебила меня:

— Это что-то из новой ёперы. Она, видите, думает! Не-ет, милоха. Уж будь добра, не утруждай себя думами. Оставь эту печаль начальству, — большим пальцем Лопачёва указала на себя. — В конце концов начальству за это платят. Начальству по штату думать положено. Оно за тебя давно подумало и говорит тебе: есть штатная единица — сиди заполняй. Хоть во всю неделю и палец о палец не ударишь. Сидеть, единичка! И втиши!

— Но это же расточительство!

— Там, — Лопачёва дёрнулась головой кверху, — как-нибудь да разберутся, где расточительство, а где рачительство. Раз направили, сиди не высовывайся. Эх, пионерочка, жалко на тебя смотреть... Ох и помнёт тебя жизнёнка... Помнёт-от... Постешет углы, обкатает, как гальку... Навоешься... А не лучше ль, кукуй в моём затишке и не высовывайся?

— Уж этого-то, Лидия вы Сергеевна, я вам не обещаю!

— И напрасно, — лениво возразила Лопачёва. — Картошку, капусту, свёклу добили. С завтрава гарантирую райское тебе житьишко. Работы по существу

никакой. Лишь требуется аккуратное, железное присутствие в бухгалтерии с восьми до пяти. Как-никак, дисциплину труда почитать надо.

— Неужели вы всерьёз считаете, что вовремя упасть на конторский стул и без дела просидеть день — это и есть дисциплина в труде? Я такую дисциплину не понимаю и не признаю. Дисциплина нужна не только на работе. А разве в отношениях между людьми не должно быть дисциплины? Вот я здесь не нужна. Что же молчит дисциплина вашего здравого рассудка? Что же она не прикажет вам отпустить меня туда, где я нужней?

— Есть ставка — спокойненько получай и не разводи сырую демагогию. Сопи в две дырочки да смалкивай.

— Будь я нужна у вас позарез, я бы и мужа оставила здесь. Никуда б отсюда и сама не только в ближние три года. А так... Я ж вам нужна как собаке боковой карман... Без толку противиться стулья, ни за что получать — душа не подымается. Не могу и не хочу!

17

Товар лицом кажут

На нашей свадьбе в Ключах к нам с Валерой подсел тамошний директор. Сполоснул уже зубы. Весёлый.

Тронул Валеру за плечо.

— Ты что такой — одни мослы? Наставившим уши соседям

по застолью певуче, с поклоном велел:

— Кушайте, кушайте, гостюшки дорогие... А ты, — тряхнул Валеру за локоть, — а ты, солдат, ешь! Набивай для молодой жизни мускулы. Брюхо лопнет — наплевать. Под рубахой не видать!

Застолье грохнуло.

Отвезлся директор от смущённого Валеры, клонится верхом ко мне. Ну, думаю, пошёл на собак сено косить.

— Невестушка, — закидывает крик, — это правду брешут, что ты бухгалтер при дипломе?

— Правду.

— Кого судьба заслала! всю жизнь горел иметь хоть одного грамотного бухгалтера. И вот он предо мной! У меня ж в бухгалтерии один излом да вывих. Форменный инвалидный батальон! Главный, Петрович... Этого война отпустила без ноги... Грамотёшка кой-какая наличествовала. Вилы в руки не сунешь, пристегнул в бухгалтеры. И протчие-иные... Дефект какой, изъян какой при человеке — в поле, на ферме человек этот не работник. А коли может этот человек без грубой ошибки сомножить два на два — в бухгалтеры-учётчики его! Петровичу недалече до пенсии. Дохлопывает последний годок. Постажируешься пока у Петровича в замах. А там ты и есть сама главная. Считаю, подписано. С послезавтра, с понедельника, ты у меня в штате!

— На беду, в понедельник мне отчаливать одной назад в Верею.

— От живого мужа? Ёжки-мошки! Да какие это барыши тебя, поскакушка, туда манят?!

— А такие барыши, что целых три года выщелкнуло нам с Валерой жить подврозь. Он здесь, я там... Будем по праздникам друг к дружке наезжать.

— Это какой же закон такое узаконил, чтоб жена видала мужа только на праздники? Зараз мы...

Зарыскал директор глазами меж гостей, приискивал кого-то. Выхватил нужное лицо, кликнул мою московскую тётушку, сидела чуть наискосок по ту сторону стола.

«Подь, подь-ка на момент!» — позвал пальцем.

Тётушка чинно возложила на краешек тарелки вилку с надкушенной кружалкой огурца, поправила на бёдрах платье и переломилась над столом, готовно надставила ухо.

— Гостюшка, как донесла наша колодезная разведка, вы жэковский прокурор...

— Всего лишь председатель товарищеского суда, — поправила тётушка.

— Товарищеского... дружеского... Главное, при правосудии кувыркаетесь. Так вот, товарищ судья, до точности надо знать... развяжите такой узелок. Наша невестушка, — кивнул на меня директор, — принуждена послезавтра спокинуть мужа на три года. Разве это порядок? В этом году она кончила техникум и обязана, как я слышал, на три года

отбить туда, куда попала после учёбы по распределению...

— Мда-а, — строго сказала тётушка.

— Что, — в нетерпении подгоняет директор, — тут и зацепиться не за что? Судье и зацепиться не за что! — и удивился, и ласково возмутился директор. — Надо подумствовать... Думайте, — зашептал наставительно, — как его повернуть всё так, чтоб Валерий Батькович и на день не терял жену, а я золотого работника. Вы слышали присказку про закон и дышло?

— Может быть...

— Вот и поворачивайте, поворачивайте... Такая моя скромная хотелка... Выводите наши Ключи из беды.

С разгоравшейся гордостью на лице тётушка важно задумалась и, кажется, надолго.

Директор в горячем спехе скинул руку.

Весело-торжественно объявил:

— Считаю до трёх. Раз! — коротко и резко, будто рубнул, опустил руку. — Два-а... Два с половинкой... Два с четвертью... Два с верёвочкой... Два со шпагатом... Два с ниточкой... Два с паутинкой...

Тётушка покосилась на детски-вспокоенного директора. Спросила меня: — Ты много там уже наработала?

— Четыре месяца.

Тётушка жалеюще всплеснула руками.

— Нашли об чём убиваться!

Да такой стаж не грех и подать! По-свойски, дружочек, советую... Чтоб туда не кататься... А можешь и поехать... Внагляк кинь им там на светлую память или на растерзание, это уж как угодно, свою трудовую книжку. А в Ключах оформят по-новой.

— Хоть сей секунд! — подтвердил директор. Был он страшно доволен. Аж шуба заворачивается! — Правильные слова говоришь. Только броневика под тобой не хватает!

Наверное, кто-то из свадебников вышел и не закрыл плотно дверь. Холод ударил мне в лицо. Я зябко поёжилась.

— Не дрейфь, светунец-дружочек, — успокаивает директор, — я под статью не подпихну. Причина у тебя уважительная. По графе молодо-зелено всё спишется.

Одобрели тётушкин вариант домашние.

Решено: в последний раз еду я в Верею. Выпишусь в милиции и обратки.

Но почему мне нерадостно?

Не знаю...

Конечно, то, что я больше не буду разлучаться с Валерой, скачет в плюс.

Но сколько у этого плюса минусов? Бросить трудовую книжку, сбежать, начать жизнь, как бы сказал Визирев, с грязной строки?

Не знаю... Как всё это ни назови... Побег же!

Хотя с другой стороны, если спокойно рассудить, правда моя.

Ну в самом деле, где я нужней?

Там бухгалтеров как собак нерезанных. Всё с дипломами! Воон за сколько времени и на день не воткнули в работу по специальности. Всё дырки затыкали мной. Сбегай туда, слетай сюда... Мол, присматривайся к делу с расстояния. А когда будешь у самого у дела? Неизвестно. А в Ключах нет и одного дипломированного бухгалтера.

Тут и дурик скажет, где я нужней.

Всё повернулось лучше не придумать.

Визирев мне сказал:

— Твои адвокаты в Ключах ни шиша не знают законов. Вышла замуж — вольная птаха. Летишь к мужу в любой момент. Твоё право! Правда есть, её не съесть. Так что спокойно оформляй расчётишко. Одному началу, конечно, не два конца. Напрасны были твои опасения!

В Ключи я возвращалась с чистым сердцем.

*В сентябре этого года исполняется
80 лет автору известного романа
«Оренбургский платок»
Анатолию Санжаровскому.*

*Редакция журнала «Гостиный Дворъ»
поздравляет Анатолия Никифоровича с
юбилеем и желает ему хорошего здоровья
и новых творческих удач!*